

УДК 82.01/.09

МИФ КАК СПОСОБ ОСМЫСЛЕНИЯ МИРА И КАК ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПРИЕМ (К ВОПРОСУ О СОЦИОЛОГИИ ЛИТЕРАТУРЫ)

О.М. Крижовецкая

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

Статья посвящена социологическому аспекту современного литературного процесса. На примере романа Л. Улицкой «Медея и ее дети» рассматриваются связи между текстами современной массовой литературы и внетекстовой реальностью в контексте проблем мифа.

Ключевые слова: коммуникация, литературный процесс, социология литературы, современная массовая литература, миф, Л. Улицкая.

Для современной социокультурной ситуации характерно активное мифотворчество. Нынешние мифы ориентированы на актуальность, так как связаны с реалиями и умонастроениями нашего времени, их производство и активная трансляция осуществляются по активным каналам коммуникации. Столь широкое распространение мифов в социокультурном пространстве усиливает потребность в исследовании этого феномена, механизмов его культурного и все возрастающего социального воздействия на сознание человека массового общества. Выступая неким культурным образцом, моделью мироустройства, инструментом социальных стратегий, различные формы современного мифа в массовой культуре и ее литературных составляющих структурно моделируют интерессубъективный опыт повседневной жизни и шире – социальной. Литературное мифотворчество, основанное на законах суггестивности и предполагающее бесконечные возможности упорядочения духовного и бытового опыта человечества, продуцирует смыслы, которые становятся частью аутентичного конкретной культуре миропонимания.

Специфика современного литературного процесса как сложного синтетического и динамического единства в значительной степени опосредована внелитературными факторами. Если, вслед за Л.Н. Толстым, понимать литературу «как одно из средств общения людей между собой» [6, с. 37], нельзя не учитывать все компоненты данного определения: и «средства» (тексты произведений), и «людей» (создателей, издателей, продавцов и читателей), и «общение» как динамическую диалогическую процедуру (литературно-художественный дискурс) [5]. Результат этого процесса общения как диалога сознаний, реализующих себя в формах художественного письма, интерессубъективная сетка смыслов и связей, которая коррелирует со стандартными ценностно-нормативными представлениями общества, культуры и т. д., что позволяет говорить о социологии культуры и социологии литературы в частности [2; 3].

Какова связь современного мифа с ценностно-смысловыми установками культуры и мировоззрением массового читателя? Какие мифологические модели являются продуктивными и в отношении современной массовой литературы? Каков механизм конструирования современного мифа в литературном процессе? Эти и другие вопросы стали отправной точкой данного исследования.

Ремифологизация – процесс, который захватил литературу, начиная с конца XIX в., когда культура бросилась на поиски «материнского мифического лона» (Ф. Ницше) в целях вернуть целостность миропонимания, переживавшего глубокий кризис. На протяжении XX в. сохраняется интерес к мифу; совершаются попытки либо использовать миф в качестве структурообразующего начала (творчество Дж. Джойса и Т.С. Элиота), либо средствами литературы создать новые мифологические системы (романы-мифы Т. Манна, Г. Белля, Ч. Айтматова и др.). Современная массовая литература также прибегает к мифологизации. Об активном взаимодействии мифа и литературы свидетельствуют уже названия произведений современных авторов («Изгнание из Эдема» А. Мелихова, «Медея и ее дети» Л. Улицкой, «Теща Эдипа» Л. Петрушевской, «Восхождение на холм царя Соломона с коляской и велосипедом» Г. Щербаковой и др.).

В качестве примера обратимся к роману «Медея и ее дети» Л. Улицкой, которая (с учетом тиражей и, следовательно, читательской аудитории) является одним из ведущих авторов в современной российской словесности. Указание на миф как прецедентный текст содержится уже в названии романа «Медея и ее дети», но Л. Улицкая отказывается от традиционной разработки женского мифа, акцентируя внимание на семье как «первичной органической общности» и «нормативной структуре предписанного сексуального и межпоколенческого взаимодействия» [1, с. 84]. Сюжет романа – рассказ о судьбах представителей большой семьи Медеи Мендос, предки которой приехали из Греции в Крым. «Семейная хроника» превращается в «семейную мифологию» (в тексте не раз дается это определение, что по воле автора включает определенный код восприятия). Мифологический подтекст заложен в самой истории семьи Синопли. Мать Медеи Матильда приехала из Батума, чтобы выйти замуж за грека Георгия Синопли (героиня мифа пришла из другой страны, чтобы стать женой Ясона).

Образ Медеи Синопли восходит к героине Коринфского эпоса, но Медея Улицкой лишена важнейших черт античной менады. Сюжет античного мифа – это сюжет гибели семьи. Любовь, побеждая разум (античная Медея – скорее любовница, чем мать), пробуждает в героине коринфского мифа разрушительную силу. В романе Л. Улицкой мы наблюдаем переосмысление античного сюжета: героиня никого не убивает, не имеет своих детей, но является хранительницей семейного очага, собирая вокруг себя родню в нескольких поколениях. Возникает архаический образ хранительницы родовой памяти (в ее доме хранится семейный архив, она ставит большой крест из мрамора на могиле родителей); становясь центром того мира, который складывается вокруг нее (многочисленная семья), Медея берет на себя функции патриарха (мужские функции), видоизменяя и гендерные характеристики прецедентной мифологемы. Вся ее жизнь вращается вокруг дома и многонациональной семьи – основных составляющих бытия. Это бытие – символическая модель мира женщины, реконструируемая автором. Бездетная праведница и целительница, она призвана стабилизировать отношения в многонациональной семье. В отношении к каждому из близких как к единокровному члену семьи заложена идея о возможности сближения различных культур, религий и народностей – реконструкции некоего золотого века, всемирного человеческого братства:

«Семья Синопли была представлена всеми своими ветвями – ташкентской, тбилисской, вильнюсской, сибирской...» [7, с. 248].

Тема ритуального возвращения на родину сопряжена с темой поездки родственников Медеи на юг к морю, поездке, символизирующей потребность в ритуальном причащении и приобщении новых членов семьи к семейным мифам и традициям. Верность истокам, уважение к своей истории – залог сохранения универсального нравственного закона, главный и добровольный хранитель которого – Медея.

В главной героине проступают черты античной божественной красоты: классические черты сурового лица, медные волосы, горделивая осанка, немногословие и др. Другой атрибут мифологического кода – названные местными жителями скалы в честь Медеи, всю жизнь проработавшей в местной больнице (в древности местности и элементы ландшафта назывались именами мифологических персонажей, связанных с ними своей судьбой). Единственный медицинский работник в поселке, она находится и у истока жизни, и у ее исхода, пытаясь облегчить уход человека в последний путь. Подобно своей предшественнице (древняя Медея выпускала старую кровь из отца Ясона и вливала живительный отвар, который должен был вернуть ему молодость, т. е. жизнь), Медея у Улицкой скорее совершает обряд, чем проводит медицинские процедуры. Промывая раны мужа после операции настоем трав, «она знала, что делала: травы вымывали из него яд болезни». «Это была все-таки жизнь, и Медея готова была нести этот груз бесконечно...» [там же, с. 154].

Соотнесенность с мифом очевидна и в эпизоде спасения Медеей Ясона-Самуила от дракона (страха, мучившего его всю жизнь). Он, как Ясон древней Медее, причиняет ей боль изменой. Но принципиальный момент древней мифологемы у Улицкой тоже переосмыслен. Жизнь Медеи Мендос разделена на три периода: до замужества в тридцать лет, двадцатилетняя жизнь с мужем и тридцатилетнее вдовство. Она не протестует, принимая случившееся как данность, понимая, что великодушные выше мести.

Монументальность характера сближает Медею с античными персонажами, персонажами мифов, с богами. Такого рода характерология связана с хронотопическими характеристиками мифа – Бог (и Медея) наделен завершенностью, вечной жизнью как статичной молодостью или зрелостью. Такое понимание совершенства и статичности божественных образов соответствует представлению о цикличности бытия: циклично время мифа, циклично время романа Л. Улицкой. В этом круговороте, или цикле, нет ни начала, ни конца.

Мифологично и мышление Медеи, что проявляется в ритуальном характере традиций в ее доме (негласный запрет ходить к колодцу после захода солнца, обычай кормить детей и взрослых за разными столами), в ее близости к земле («Своими подошвами она чувствовала благосклонность здешних мест» [там же, с. 7]), в цикличности ритма ее жизни, соотносящегося с природными циклами (летние наплывы родни и одиночество зимой). В истории ее семьи цикличность проявляет себя как символ обновления жизни, семейной памяти, упорядочивающих бытие героев; и одновременно – как архитектурный каркас неомифа, утверждающего незыблемость семейных ценностей.

В романе взаимодействуют две ключевые линии: космическая и хаотическая, связанные переосмысленным мифом о Медее и определяющие характер образной структуры романа и систему персонажей. Главная черта Медеи – гар-

монизация хаоса, стремление героини «все привести к порядку, к системе, от чайных чашек на столе до облаков в небе» [там же, с. 8]. В этом – ее основная функция в мифологической системе романа. В греческой мифологии преобразование хаоса в космос проистекает из деятельности богов, в «семейной мифологии» Улицкой созидательно-преобразующее начало воплощается в образе Медеи.

При всей очевидности того, что Медея Л. Улицкой обладает чертами и способностями своей предшественницы, она уступает последней по силе кипящих в ней и вокруг нее страстей и представляет собой не только «анти-Медею», но и некий «сглаженный», цивилизованный вариант мифологического персонажа, адаптированный к уровню современного мировосприятия, повседневных норм и т. д. (Медея греческого мифа и Медея Еврипида отнюдь не изящны). Воплощая черты матриархальной архаики, героиня не является при этом женщиной в матрице культурно-мифологических представлений. Ее женская добродетель словно списана с мужского образца, она инверсирована при сохранении основных структурных особенностей мифологемы. Содержа отсылку к античной мифологии и вызывая ассоциацию с классическим сюжетом о детоубийстве, роман вступает в конфликт с семантической структурой устойчивой мифологемы, десемантизирует ее, отчего сам мифологизм в романе Улицкой становится не содержательным, а формальным компонентом. Переосмысливая базовые культурные символы и апеллируя к массовому сознанию, Л. Улицкая создает новый миф, который в современной литературе есть средство «концептуализации мира, того, что находится вокруг человека и в нем самом» [4, с. 24].

Список литературы

1. Гудков Л.Д., Дубин Б.В. Литература как социальный институт. М.: НЛО, 1994. 352 с.
2. Дубин Б. В. Литературный текст и социальный контекст / Б.В. Дубин // Слово – письмо – литература: очерки социологии современной культуры. М.: НЛО, 2001. С. 10–19.
3. Дубин Б.В. Словесность классическая и массовая: литература как идеология и литература как цивилизация // Слово – письмо – литература: очерки социологии современной культуры. М.: НЛО, 2001. С. 306–323.
4. Мелетинский Е.М. От мифа к литературе. М.: РГГУ, 2000. 170 с.
5. Миловидов В.А. Введение в семиологию. Тверь: ТвГУ, 2003. 176 с.
6. Толстой Л.Н. Что такое искусство? // Толстой Л.Н. Литература, искусство. М.: Современник, 1978. С. 30–152.
7. Улицкая Л. Медея и ее дети: роман. М.: Академия, 2003. 256 с.

**MYTH AS A WAY OF WORLD UNDERSTANDING AND AN
ARTISTIC DEVICE (ON SOCIOLOGY OF LITERATURE)**

О.М. Krizhovetskaya

Tver State Technical University, Tver

The article is focused on the sociological aspect of a contemporary literature process. The author examines the links of contemporary popular literature texts with non-textual reality in the context of myth problems on the example of L. Ulitskaya's novel *Medea and Her Children*.

Keywords: *communication, literature process, sociology of literature, contemporary popular literature, myth, L. Ulitskaya.*

Об авторе:

КРИЖОВЕЦКАЯ Оксана Михайловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь. E-mail: krizhok@mail.ru.

Author information:

KRIZHOVETSKAYA Oksana Michaylovna – Ph.D.(Philology), Associate Professor of Russian Language Subdepartment, Tver State Technical University, Tver. E-mail: krizhok@mail.ru.